

Дело Зили-султана

Тайный дневник Михаила Булгакова

Камень погибели

Приключения Бодхисаттвы

Дело черных дервишей

Дело двух Феликсов

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

Коротко стриженный пухлый человек, сидевший напротив Волина, нервно заерзал, скроил отчаянную физиономию и закатил глаза к потолку с золотой лепниной.

— Ну откуда же мне знать, кто мог интересоваться моей коллекцией? — воскликнул он плачущим голосом. — Это уникальное собрание, другого такого во всей России нет! Да люди бредили моей коллекцией, ей кто угодно мог интересоваться, кто угодно, вы слышите?!

Волин вздохнул — он не любил растолковывать очевидные вещи. Тем не менее пришлось объяснить, что речь идет не о ценителях фарфора вообще, а о тех, кто хотел рыбинской коллекцией завладеть. Например, пытался купить ее целиком или приобрести какие-то отдельные предметы, входящие в собрание.

— Да многие пытались, многие, меня вся Россия знает, — сердито отвечал собеседник, нервно дергая себя за лацкан элегантного серого пиджака от Ар-

мани. — Вы что, хотите, чтобы я серьезных людей оклеветал? Вы понимаете, что со мной за это могут сделать?

Волин понимал. Как говорится, художника обидеть может каждый, материально помочь — никто. А коллекционер у нас — вроде художника, его тоже очень хочется обидеть. Притом чем он богаче, тем больше хочется. И для этого совершенно не надо быть серьезным человеком. Даже самые несерьезные люди, если дать им в руки обрезок трубы, могут устроить такой бой быков, что никаким пикадорам не снилось.

Пока Волин думал, пухлый ерзал в кресле и враждебно посматривал на следователя. Нельзя сказать, чтобы Оресту Витальевичу такой взгляд сильно нравился. Можно даже сказать, что совсем не нравился ему этот взгляд. Между нами говоря, сидящий напротив пухлай ему вообще был глубоко несимпатичен. Откуда нам знать, что он за человек? Может, и хорошо, что его ограбили. Может, он это заслужил. Может, это кара небесная, почему нет?

Неизвестно, что бы еще надумал следователь в адрес несимпатичного пухляя, но, к счастью, вовремя спохватился. Кара там или не кара, но рассуждать так было не профессионально. Именно поэтому Орест Витальевич решил мыслить объективно. Во-первых, будем считать, что пухлай наш — на самом деле никакой не пухлай, а потерпевший. Во-вторых, у потерпевшего есть имя, фамилия и даже отчество, а именно — Тимофей Михайлович Рыбин. Исходя из этого и будем двигаться дальше.

— Тимофей Михайлович, — мягко сказал следователь, — вы же понимаете, что найти предметы из вашей коллекции — в наших общих интересах.

При этих словах Рыбин насторожился и остро взглянул на собеседника через золотую оправу: какие это у нас с вами, уважаемый, могут быть общие интересы?

— Ну, вы получите назад дорогостоящие вещи, а я... я, ну, скажем, не получу по шее от начальства, — отвечал Волин. — Такое объяснение вас устроит?

Рыбин проворчал, что его устроит все, но при одном условии — если Следственный комитет как можно быстрее найдет и вернет ему его драгоценные экспонаты. Вот только для этого искать надо, милейший, искать, а не разговоры разговаривать.

Дальнейшая беседа велась примерно по той же скучной схеме: все сводилось к тому, что они вот тут неизвестно о чем дискутируют, а драгоценную коллекцию, может быть, как раз перевозят через границу, чтобы пополнить ею закрома какого-нибудь арабского или японского миллиардера.

— Скажите, а почему не сработала сигнализация? — внезапно перебил собеседника Волин. Конечно, по логике, спросить об этом надо было в самом начале, но самые важные вопросы Орест Витальевич предпочитал задавать в неожиданный момент. — Как ее отключили?

— А никак, — насупился Рыбин. — Это навороченная супер-пупер-сигнализация, и без кода отключить ее невозможно, просто невысказано.

Интересненько получается... Тогда почему же эта супер-пупер-сигнализация все-таки не сработала?

— Она сработала, — угрюмо признался коллекционер. — Но в здании, где расположен пульт наблюдения, как раз перед ограблением заложили бомбу. Пока персонал эвакуировали, как раз и ограбили мою квартиру.

Волин удивился. Он не знал, что так легко заложить бомбу в полицейском участке или в здании Росгвардии. В ответ на это Тимофей Михайлович сварливо объяснил, что, во-первых, бомбы там никакой не было, а был просто звонок о минировании.

— А во-вторых?

Во-вторых, Рыбин имел дело с частным охранным предприятием. Волин опять удивился, второй уже раз за сегодня. И, между нами говоря, было чему удивляться. Дорогую коллекцию охраняет не полиция, не Росгвардия, а всего-навсего ЧОП? Оресту Витальевичу такой выбор показался странным.

— Ничего странного, — окрысился Рыбин. — Просто ЧОПы мобильнее госструктур. Те пока раскачаются, грабители уже всю квартиру вынесут вместе с жильцами. А частники в клиентах заинтересованы кровно и пошевеливаются быстрее.

Следователь кивнул: ну, теперь все ясно, горе от ума. Имел бы наш дорогой Тимофей Михайлович дело с государством, может, ничего бы страшного и не случилось. Но говорить об этом потерпевшему не стал — он, потерпевший, и без того чуть на потолок не лез.

Видя, что проку от расстроенного коллекционера пока мало, следователь попросил разрешения скачать фотографии и описание пропавших экспонатов, откланялся и двинул на службу. Рыбин все требуемое предоставил, но вдогонку все-таки пообещал пожаловаться начальству. Волин, по его мнению, делал не то и не так и только затягивал следствие.

«Вот бывают же такие говнистые персонажи: ты еще и расследование толком не начал, а они уже жалобу начальству накатать готовы», — в сердцах думал Волин, покидая просторную, богато меблированную квартиру Рыбина.

Кстати сказать, встает законный вопрос: почему у скромных коллекционеров такие квартиры, какие и не снились работникам Следственного комитета? Речь, конечно, о рядовых работниках, а не о начальстве — у тех еще и не такое жилье имеется. Может быть, он, Волин, не за ту работу взялся? Может быть, ему нужно встать на тяжелую и очень нужную для государства стезю коллекционера? Вот только что бы такого начать собирать? Старые стулья, потроха, коробочки от ваксы? Наверняка все это можно будет очень выгодно толкнуть где-нибудь на аукционе, на «Сотбис» или «Кристис» — там дураков-то, поди, много, а потрохов мало...

— Ну, что там с потерпевшим? — спросил полковник Щербаков, когда Волин явился к нему с отчетом.

— Крайне подозрительный пухляй, — рассеянно отвечал следователь, потом спохватился и поправился: — Я хотел сказать, довольно странная фигура

этот потерпевший. Юлит, недоговаривает... В общем, человек с двойным дном и продувная бестия.

— Продувная, говоришь? — хмыкнул полковник. — Очень может быть... С другой стороны, мы с тобой, знаешь ли, тоже не орлеанские девственницы.

«За себя говори», — подумал Волин, но вслух, конечно, не сказал — равенство и братство в Следственном комитете еще не дошло до того, чтобы резать правду-матку прямо в физиономию начальству. Тем временем шеф продолжал говорить, видимо, не догадываясь о крамольных мыслях подчиненного:

— Если бы у нас с тобой были такие деньги, у нас не одно второе дно имелось бы, а десять. Ты в курсе, сколько стоит его коллекция?

— Я так понимаю, миллионы, — не очень уверенно сказал Орест.

Именно, кивнул полковник, именно миллионы. И не каких-то там, понимаешь ты, тугриков или, не к ночи будь помянуты, российских рублей, а настоящих полновесных долларов. Он, Волин, когда-нибудь видел наличными миллион долларов? Орест Витальевич признался, что никогда. Да и откуда, им же зарплату на карточку переводят — вот если бы в чемоданах приносили, тогда совсем другое дело.

— Шути, шути — дошутишься, — грозно сказал начальник. — А я тебе так скажу — есть у него в коллекции такие экспонаты, что всего одна вещь может стоить миллион. А теперь представь — нашел ты хотя бы один подобный экспонат. И вот, значит, сидишь ты у себя в кабинете, перед тобой — фи-

тюлька со средний кукиш размером, а цена ей — миллион. Представил?

— Не то слово, — сказал Орест Витальевич, обладавший богатым воображением.

— Ну, и что бы ты стал делать с такой вещью?

Волин немножко подумал и предположил, что как честный человек сдал бы дорогостоящий предмет в доход государства.

— Ну и дурак в таком случае! — сказал полковник в сердцах. Потом подумал и поправился: — То есть, конечно, в служебном смысле и в гражданском тоже — молодец, а по-человечески — дурак дураком.

Волин удивился: почему это он дурак? Ему же причитается половина от этого миллиона — как сдавшему клад.

— Во-первых, это не клад, а произведение искусства, — парировал Щербаков. — Во-вторых, это на аукционе твоя находка стоит миллион, а государство, скорее всего, будет мерить ее по себестоимости. Ну, и сколько, скажи, стоит сейчас полкило фарфора? Вот и достанется тебе в качестве премии не полмиллиона баксов, а кукиш с маслом — только и хватит, чтобы в общественный туалет с горя сходить.

— Хорошо, — покорно сказал Волин, — так тому и быть: сдам находку государству, а на премию схожу в туалет. Вы меня простите, Геннадий Романович, но к чему весь этот разговор?

— Весь этот разговор к тому, что коллекция рыбинская наверняка застрахована, — недовольно заметил полковник. — А если так, можем мы пред-

полагать, что он сам у себя все и украл, чтобы страховку получить?

Волин сказал, что, если коллекция застрахована, то, конечно, можем. Тем более мы люди в погонах, и, значит, кто нам воспретит?

— Коллекция точно застрахована, — перебил его полковник. — Она же перед этим выставялась в Государственном музее Востока. А что это значит? Это значит, что перед выставкой ее должны были застраховать. И вот на тебе — только выставка кончилась, тут же ее и уперли. Кстати сказать, ее ведь не всю украли, правильно? Встает вопрос: что именно было похищено?

— Да, что? — спросил Волин, не желая быть умнее начальства.

— Самое ценное было похищено, уж поверь моему опыту, — отвечал полковник.

Предположение шефа проверить было легче легкого. Если коллекция страховалась, наверняка ее перед этим оценили. Сам Рыбин о стоимости коллекции помалкивает, но куратор-то от музея наверняка должен знать, сколько она стоит — пусть даже и приблизительно.

— Вот-вот, — обрадовался Щербаков. — Так что давай дуй к куратору и потряси его как следует. И не забудь, отдельно уточни стоимость украденных вещей. Потому что, друг Волин, очень все это похоже на страховую аферу. Ты ведь сам говорил, что Рыбин — не просто так погулять вышел, а настоящая продувная бестия с двойным дном. Вот и подумай теперь, как эту бестию припереть...

Легко сказать — припереть, думал Волин, поднимаясь по лестнице к квартире куратора рыбинской выставки — старшего научного сотрудника Эрмитажа Анны Павловны Меньшовой. Как ты его припрешь, когда на руках одни подозрения и никаких доказательств? Припереть можно, только если найдешь исполнителя.

В старые-то времена без всех этих сложностей обходились. Вот, к примеру, как могло выглядеть расследование при Иване Грозном? Взяли бы, скажем, опричники такого коллекционера вместе с его костюмом от Армани — и палками бы его, палками. Вы скажете, конечно, что Иван Грозный — слишком далекие времена. Хорошо, пусть не Иван, пусть, например, товарищ Сталин, он же Коба, он же Джугашвили. В том же, извините, тридцать седьмом году взяли бы Рыбина за жабры и били до тех пор, пока бы не признался во всем чистосердечно. Милое дело, мечта дознавателя!

Но сейчас, пардон, совсем другая история. Сейчас бить палками бизнесмена — явно не комильфо, да и полковник ни за что не согласится. Сначала, скажет, ты его в СИЗО посади, добейся приговора, а потом уж и бей сколько хочешь. А зачем бить потом, если вина доказана и приговор уже вынесен?

Ну, тогда обходись законными следственными действиями, как при царе Горохе, наверняка скажет полковник. Тут тебе не Гуантанамо пиндосное, у нас, слава богу, права человека блюдутся так, что сам человек другой раз не знает, куда от этих прав деваться...

Здесь Волин внезапно обнаружил, что уже дошел до места и даже стоит перед нужной дверью. Он вздохнул и позвонил. Вы, конечно, спросите, почему вздыхает такой опытный следователь, как Орест Витальевич, превзошедший все тонкости сыскного дела? Ответ на это будет простой: после близкого знакомства с коллекционером от его куратора Волин тоже ничего хорошего не ждал.

Спустя примерно полминуты дверь приоткрылась как бы сама собой, однако из квартиры никто не выглянул. Впрочем, нет — Волин опустил глаза и увидел усатую разбойную морду, высунувшуюся в щель. Снизу вверх на него внимательно глядел кот — полосатый, как старый матрос.

— Вы из Следственного комитета? — спросил кот высоким женским голосом.

— Так точно, — сказал Волин, удивляясь смысленности местных котофеев.

— В таком случае, заходите, — продолжал тот же голос. — Антоша, уйди с дороги, не мешайся под ногами...

Полосатый Антоша немедленно скрылся в проеме, только хвост напоследок мелькнул. Дверь открылась полностью, и Волин увидел коротко стриженную даму пенсионного возраста. Дама была настолько небольшой, что, встань ее кот на задние лапы, непременно оказался бы с ней одного роста.

— Добрый день, Анна Павловна, — церемонно проговорил Волин, делая шаг в квартиру Меньшовой. Он ожидал попасть по меньшей мере в пещеру Али-бабы, однако жилище старшего научного

сотрудника выглядело вполне партикулярно, если не считать развешанных всюду китайских картин. Впрочем, как выяснилось, квартира принадлежала вовсе не Меньшовой, жившей в Петербурге, а ее двоюродной сестре, у которой Меньшова всякий раз останавливалась, бывая в Москве.

Сама Анна Павловна оказалась дамой интеллигентной, но весьма деловой. Усадив Волина в кресло перед собой, она с ходу взяла быка за рога.

— Итак, — командным голосом спросила она, — что именно вас интересует в коллекции Рыбина?

Орест Витальевич удивился: кто тут задает вопросы — он или Меньшова, но вслух, конечно, говорить этого не стал.

— Ну, во-первых, — любопытствовал он, — действительно ли эта коллекция так хороша, как о ней говорят?

Меньшова слегка поморщилась, но все-таки ответила, что рыбинское собрание — пожалуй, лучшая в России коллекция китайского фарфора. Ничего подобного нет даже в Эрмитаже. Однако...

— Однако? — подхватил Волин.

— Понимаете, какое дело... — Куратор явно сомневалась, стоит ли входить в детали, но внимательный взгляд следователя не оставлял путей для отступления. — Там есть совершенно сногшибательные вещи. Но не все они подлинные. Точнее, не совсем так. Вещи-то все подлинные, но, например, есть там изделия, скажем, восемнадцатого века, стилизованные под четырнадцатый. Владелец, правда, уверяет, что все вещи соответствуют заявленным